

С ДМИТРИЕМ Спиридоновичем Бисти в году уходящем тянули мы вместе не легкий воз, часто собирались в его мастерской, много спорили, но не поругались, а подружились. Дела частенько держали до полночи. Я одевался уйти, а уставший не меньше меня хозяин, потирая руки, говорил: «А я еще часика два посижу...» Он садился за стол к увеличительному стеклу, брал в руки резец и становился похожим на ювелира.

Художники не любят, когда им «дышат в затылок», но за год мы пригляделись и притерпелись друг к другу, сторонний взгляд художника

не беспокоил, и я наблюдал, как на срезе крепчайшего дерева появлялось птичье крыло, стебли ветром пригнутого камыша, лик солнца с черным овалом затмения... Мозолистая рука пахала резцом полированную целину древесины, бороздки прихотливо жались друг к другу, и возникало чудо резного рисунка. Моментами я замирал: вдруг дрогнет рука — ошибка загубит все. Но нет, «пахарь» не ошибался. Медленно ложилась бороздка к бороздке. Были случаи, когда я видел последний штрих на бруске. Видел, как Бисти, стряхнув духовитую стружку, покрывал брусок самшита краской, клал на него лоскут податливой легкой бумаги и полоской полированной кости пригонял бумагу к бруску...

Я видел работу художников, достигавших нужного результата с виртуозной, покоряющей легкостью — кисть летала у полотна. Тут же легкости не было. Художник наминал пахаря, причем не современного, сидящего на тракторе, а того, чьи руки держали соху. Иногда Бисти говорил: «Нет, сегодня не поддается. Надо бросить...»

В мастерской гравера стопы бумаги, картона, тискальная машина, кипа рисунков, набросков, книги с его иллюстрациями. Место же, где он «пахает», занимает маленький уголок. Увеличительное стекло на стойке. Два десятка резцов с рукоятками, похожими на шляпки грибов. И тут же рядом — брусочки самшита, напильники и весом, и цветом акуратные слитки золота. Очень крепкая древесина. Я попытался как-то сосчитать через стеклышко годовые слои, и не смог — так плотно слои лежали друг к другу. Каждый брусочек, как лоскутное одеяло, набран из плотно сплюснутых прямоугольных древесин. В Москве есть единственный мастер, умеющий это делать. Но

ЧЕРНО— БЕЛАЯ МАГИЯ

и художников, избравших путь, где искусство сопряжено с высоким мастерством ремесла, считанное число. Видный советский график Дмитрий Спиридонович Бисти — один из них.

«МНИТСЯ, писание легкое дело, пишут два перста, а болит все тело». Эту строчку оставил в окончание труда своего древний переписчик книг. Нам, знакомым с книжными реками, текущими из печатных машин, трудно представить время, когда каждая книга создавалась писцом, макавшим в чернила гусиное перышко. Десять—пятнадцать переписанных в день страниц. Такой была производительность труда. На переписку книги уходили многие месяцы. И рождалась при этом всего одна книга. Одна!

Громадным шагом вперед была техника вырезания букровок на досках и тисканье с досок книжных листов. Резьба далекого тяжелее писанья. Но зато сколько оттисков сразу! Иоганн Гутенберг, занявший книжным делом в германском городке Майнце, догадался резать буквы на доске, расчленив. Из них набирались страницы книги. Изобретение это, помеченное 1440 годом, вот уже полтысячи с лишним лет, совершенствуясь, служит людям.

Издrevле, с тех времен, когда книги создавались писцами, рядом со словом в них помещали картинку. Поначалу это были лишь украшения — витиевато рисованные буквы в начале каждой главы. Позже «буквицы» стали не рисовать — резать на дереве. У разных мастеров резьба получалась неодинаковой — ремесло становилось искусством. Постепенно не только главные буквы, а целые сюжеты стали украшать книги, дополнять содержание.

Иллюстрации делались на деревянных и медных досках. И постепенно произошло разделение труда: художник на бумаге делал рисунок, а мастер-резчик обращал рисунок в рельеф на доске. Случалось,

мастерство гравера соответствовало искусству художника. До нас дошли великолепные иллюстрации Доре к Сервантесу, к Распе. Классика! Но, восхищаясь художником, мы обязаны не забыть гравера. Это он четкими, безошибочными бороздками по твердому материалу делал возможным размножить рисунок в тысячах копий.

Но счастливый союз рисовальщика и столь же способного гравера был, к сожалению, нечастым. Громадный спрос на гравюру в издательском деле заставил создавать цехи и целые гравировальные мануфактуры. Искусство при этом сдвигало позиции ремеслу.

Фототехника в прошлом веке положила конец размножению рисунков гравированием. То, что резчик делал неделями, стали делать в считанные часы. Сегодня возможность хорошо оснащенной типографии поражают воображение. Быстрота. Точность. Высокое качество. В полиграфических процессах сегодня участвуют цветная пленка, компьютеры, лазерные лучи. Но вот чудо: островком в этом техническом мире живет, осталась жить ксилография — резьба по дереву, ручной каторжно-трудный процесс. Случайности в этом нет. У ксилографии есть громадные выразительные возможности, с которыми при всем могуществе техника состязаться не может.

Художник и гравер сегодня выступают в одном лице. Рисовальщик при этом не дает ни малейшей поправки резчику. И в результате искусство гравюры достигло больших высот. Оно не всем по плечу. Оно не терпит спешки

и суеты. Оно основательно, убедительно. От художника оно требует громадного трудолюбия, вкуса, знания тонкостей ремесла резчика. Подлинных мастера этого дела в книжном мире известны и почитаемы. Патриархом советских графиков-граверов был Владимир Андреевич Фаворский. Сегодня столь же высокое мастерство демонстрирует Дмитрий Спиридонович Бисти.

Есть произведения, которые немислимо иллюстрировать, например, акварелью. Маяковский, Шекспир, Гомер... Кипение страстей, напряжение мысли, резкое чередование света и тени, соседство силы и слабости, добра и зла требуют особых выразительных средств. И эту задачу успешней всего решает художник-гравер. В упругом чередовании линий белых и черных, светлого поля и темного есть ощущение вечности. Потому-то великое произведение древности «Слово о полку Игореве» иллюстрируют граверы. И едва ли не каждый художник предлагает свое графическое прочтение бессмертного произведения. С громадным увлечением работал над иллюстрацией «Слова» В. А. Фаворский. За долгую жизнь четыре раза брался он резными рисунками помочь читателю глубже понять творение древнего гения. И казалось бы всё — вершина достигнута! Но у каждого времени — свое прочтение великих произведений. В год 800 летия «Слова» несколько художников-граверов предложили свое понимание древней монументальной лирики. Дмитрий Спиридонович Бисти — один из них.

Работу свою он еще не закончил — «Хотелось бы к юбилею, но кое-что помешало, а о спешке даже подумать в этом деле нельзя. Тут есть свои «девять месяцев», и надо с этим считаться». Все же большая часть «пахоты» по самшиту художником сделана. За этой работой видна конструкция будущей книги, видны узловые части этой второй «Слову» изобразительной песни — всадники на конях... затмение солнца... гавканье степенных зверей... Яро-славна в горе своем... Глядя на оттиски, видишь не только напряженность контраста: белое — черное, но и серебро полудно, созданных тонким умением чередовать ширину линий, заставляя жить в гармонии белое с черным. Кое-где смело введены в композицию пятна-красного цвета. «У каждого свое прочтение «Слова», — говорит Бисти, на минуту отрывая воспаленные, чуть слезящиеся глаза от увеличительного стекла.

Очередной брусок дерева лежит на кожаном круглом мешке с песком. Если надо: изогнуть борозду по самшиту, художник оставляет резец на месте и поворачивает мешок-подставку. Я вижу, как рукоятка резца вдавливается в палец, и вспоминаю старинного переписчика книг! «...лишут два перста, а болит все тело». И это при том, что писавший держал не резец, а гусиное перышко.

Художника Бисти мой друг-искусствовед назвал как-то «маленьким вулканом». Назвал очень точно. Наблюдая его работу, я вижу, как энергия человека сгущается в его взгляде и в режущем кончике инструмента. Железной твердостью дерево поддается... И вот уже оттиски с бруска — черно-белое эхо песни, пропетой 800 лет назад.

В. ПЕСКОВ.